

думываясь, пишет: «Георгие, мужество тезоимените». Второпях, конечно, он искажает даже смысл цитаты из Евангелия: «блажений милостиви» вместо «блажени милостивии».

Напомню, что уже кодикологический анализ Лаврентьевской заставил думать, что переделка летописи в части, содержащей повествование о татарском нашествии, произведена наспех. О том же говорит и сопоставление дат: 16 марта, как мы помним, сыновья нижегородского князя пришли под стены Булгара, а летопись была закончена уже 20-го. Если создание книги было как-то — прямо или косвенно — связано с этим походом, то изготовители-редакторы должны были спешить.

Стало быть, кодикологические, текстологические и исторические соображения и здесь хорошо дополняют друг друга.

На этом триедином основании можно сделать еще один вывод. Если главной целью создателей Лаврентьевской летописи было дать великому князю Дмитрию Константиновичу необходимые литературно-исторические примеры и если этим людям пришлось работать торопливо, оставляя заметные огрехи как в оформлении, так и в содержании книги, то ясно, что оборвать летописное повествование на 1304 г. они могли просто потому, что у них уже не было времени писать дальше, а не только потому, что здесь кончался протограф Лаврентия, как убежден был М. Д. Присьелков.

* * *

В заключение несколько заметок о знаменитой приписке Лаврентия.

Она начинается с уподобления радости оканчивающего труд книгописца радости заключившего удачную сделку купца, достигшего берега морехода и пришедшего на родину странника: «Радуется купец, прикуп створив, и кормчий, в отишь пристав, и странник, в от(е)чство свое пришед; тако радуется и книжный писатель, дошед конца книгам; тако и аз...». В. Л. Комарович отметил тождество одного из этих уподоблений образу, использованному в периоде, посвященном ростовскому епископу Кириллу, в статье 1231 г. Лаврентьевской же летописи: «Да и аз аерским духом нахоженья избегну, направляя корабль словеси ти в тихо пристанище введу» (л. 159). Ученый предположил, что верный своим приемам Лаврентий заимствовал отсюда уподобление писца мореходу.

Надо сказать, что этот посвященный епископу Кириллу период (со слов «Любовному учению же и тцанию дивлься сего честного святителя Кирилла...» до слов «яко истинна есть повѣствову» включительно, — конец л. 158 об.—начало л. 159), довольно бессвязно вторгающийся в летописный текст, уже не раз привлекал и настораживал внимание ученых. А. А. Шахматов думал, что это отрывок похвального слова епископу Кириллу, вставленный в ростовскую летопись — наряду с повестью о Батыевом нашествии и рассказом об изгнании «бесурмен» в 1262 г. — не в момент ее создания, а позже.⁵² Но А. Н. Насонов показал, что весь этот текст является слегка приспособленным к рассказу о Кирилле заимствованием из славянского перевода предисловия к посланиям апостола Павла в Апостоле.⁵³ Место вставки находится как раз в промежутке, пользовавшемся особым вниманием изготовителей-передельвателей летописи (лл. 158—164). Стиль работы (торопливая небрежность, вследствие

⁵² А. А. Шахматов. Исследование о Радзивиловской или Кенигсбергской летописи, стр. 64—65.

⁵³ А. Н. Насонов. Лаврентьевская летопись..., стр. 477—480.